05
Р-89

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVII-й. ІЮНЬ. 1916 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Второе путешествіе Петра Великаго въ Голландію. А. С. Лацинскаго . . 319—345
II. Письма М. Н. Каткова къ П. А. Валуеву В. Мустафинъ . 346—365
III. Очерки прошлаго. Григорія де-Волланъ . . . . . 366—382
IV. Барышня Лопухина (Разсказъ изъ архива) Н. И. Соловьева . . . . 383—391
V. Письмо Н. В. Гоголя В. И. Григоровичу Н. Лернера . . 392—393
VI. Къ біографіи А. П. Щапова и митрополита Иннокентія. Марка Азадовскаго . . . . . 394—399
VII. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. В. П. . . . . 400—460
VIII. Письмо Суворова. Сообщ. А. Троицкій . . . . . 461—462
IX. Отпускная на волю 1815 г. Сообщ. Н. Д. Чечулинъ . . 463
X. За пятьдесятъ лѣтъ (воспоминанія Глѣбовой) . 464—469
XI. Письмо В. Л. Пушкина къ Н. А. Полевому. Н. Л. . . . 470—471
XII. Описаніе губернскаго города Могилева . . . . . 472—474
XIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 14 го ноября по 2-е декабря 1915 г. (на обложкѣ).

Приложеніе: Борисъ Андреевичъ Вилькицкій.

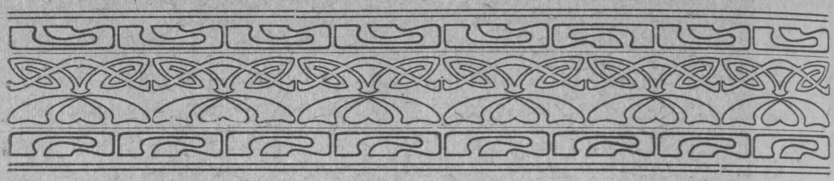
Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1916 года.



За пятьдесятъ лѣтъ.

(Воспоминанія г. Глѣбовой).

ГЛАВА I.

Воспоминанія дѣтства.

Я была ребенкомъ, когда моя покойная мать вышла второй разъ замужъ. Этотъ бракъ печально отразился на моей жизни. Мать была женщина добрая, любящая, но безхарактерная, безвольная, вполнѣ подчинявшаяся мужу. Малѣйшее желаніе, капризъ его, были безпрекословно исполняемы и, къ сожалѣнію, обрушивались на меня и на мою сестру Вѣру. Это былъ жесткій, суровый человѣкъ, старыхъ традицій, воспитанный въ убѣжденіи, что за битаго трехъ не битыхъ даютъ. Онъ былъ золъ, взбалмошенъ, не любилъ насъ, и убѣжденія его шли рука объ руку съ тяжелымъ характеромъ. Во время приступовъ злобы, во время черезъ мѣру суроваго обращенія, мать пробовала вступаться за насъ, но получала такой отпоръ, что приходилось ей уходить, въ слезахъ, безмолвно переносить страданія и уже потомъ молчать, что заступничество приводило къ худшему.

Изъ рѣзвыхъ, беззаботныхъ дѣвочекъ мы превратились въ запуганныхъ, робкихъ, смотрящихъ на міръ Божій исподлобья. Радостными моментами дня для насъ было время, когда вотчимъ уходилъ изъ дому. Послѣ его ухода еще

долгое время мы продолжали неподвижно сидѣть, боясь его возвращенія. Входила мать, звала насъ; часто сажала на колѣна, прижимала наши головы къ своей груди, и изъ ея добрыхъ, красивыхъ глазъ текли слезы и крупными каплями падали на наши головы. Мы крѣпко прижимались къ ней и чутьемъ понимали, что переживала бѣдная женщина. Затѣмъ мать спускала насъ съ колѣнъ, давала какого-нибудь гостинца (запрещеннаго), и мы, испуганно озираясь, ѣли пряники или конфекты.

— Ну, поиграйте, говорила мать, садясь поодаль.

Мы начинали неохотно, лѣниво; наши члены отвыкли отъ движенія, но мало-по-малу дѣтство брало свое, и мы начинали рѣзвиться. Мы имѣли игрушки, но всѣ онѣ были спрятаны, по приказанію вотчима, чтобы не ломались и могли хватить намъ до выдачи замужъ. Мать доставала ихъ, и мы съ трепетомъ въ душѣ принимались забавляться ими. Время текло, раздавался звонокъ, и вотъ тутъ-то начиналась суетня.

Мать наскоро хватала куклы, прятала ихъ, а мы съ похолодѣвшими руками и ногами кидались въ свои углы и обращались въ китайскихъ болванчиковъ. Прислуга была уже привычна и медлила впускать хозяина, до тѣхъ поръ, пока все не обращалось въ окаменѣлое царство. Тогда отворялась дверь, и входилъ онъ.

— Что вы заснули что-ли? Полчаса держите за дверями. Чертъ бы побралъ.

— Нѣтъ, Леличка (такъ называла мать мужа). Тебѣ такъ показалось...

— Показалось, показалось. Я не сошелъ еще съ ума. Обѣдать!

Мать бросалась въ кухню, а мы окончательно каменѣли Вотчимъ ходилъ по комнатѣ, посвистывая или напѣвая какой-либо романсъ

Зеленая роща, всю ночь шумѣла,
А я молоденькая, сидѣла да пряла...

Наконецъ подавался обѣдъ. Мы съ трепетомъ садились за столъ и ждали тарелокъ съ супомъ. Ѣли боязливо, все время поглядывая, такъ ли мы держимъ ложки, какъ намъ строго на строго было приказано.

— Ѣшь какъ слѣдуетъ,—раздался грозный голосъ, и тяжелая серебряная ложка щелкнула о мой лобъ. Я прику-

сила языкъ и выронила изъ рукъ свою ложку. Оказалось, что я не по правиламъ держала ручку.

На лбу вскочила шишка, на глазахъ навернулись слезы, но плакать я и не думала, боялась...

— Подыми и ѣшь...

Я подняла и стала ѣсть. Рука дрожала и ложка не попадала въ ротъ.

— Убери этихъ дуръ, онѣ еще не доросли, чтобы сидѣть со старшими.

Это была правда, мы не доросли до старшихъ. Мнѣ было восемь лѣтъ.

Насъ увели, и обѣдъ продолжался безъ насъ и только послѣ того, какъ вотчимъ улегся и сталъ храпѣть, мать принялась насъ кормить, ежеминутно повторяя:

— Тише, дѣти, тише. Папочка спитъ, не стучите вилками, а то разбудите...

Но мы не стучали, право, не стучали и выдѣлывали всевозможные выверты руками, чтобы не стукнуть о тарелку и не разбудить „папочки"...

Наконецъ мы пообѣдали и тихо, медленно, на цыпочкахъ пошли изъ столовой въ самую дальную комнату.

Такъ текли дни за днями.

Однажды вотчимъ вернулся къ обѣду въ хорошемъ расположеніи духа и разрѣшилъ, чтобы мать дала намъ игрушки, убѣжденный, что мы ими, безъ его разрѣшенія, по крайней мѣрѣ не играемъ мѣсяца три. Мать подала намъ куклы и попросила сдѣлать реверансъ папочкѣ. Мы сдѣлали, но сестра сбилась и начала не съ той ноги...

— Дура! обозвалъ „папочка".

Мы замерли въ тѣхъ позахъ, въ которыхъ насъ застало слово: „дура".

— Ну, играйте, играйте, да не вздумайте сломать имъ головы, а то я вамъ всыплю березовой каши... Маршъ!

Мы пошли играть. Какова это была игра, каждый можетъ себѣ представить. Мы держали куклы, едва, едва касаясь, а онъ смотрѣлъ на насъ и любовался. Вдругъ грозная фигура поднялась съ мѣста и медленно двинулась къ намъ Мы сѣли, и куклы отъ страха тоже сѣли рядомъ... и ждали. Наконецъ „онъ" придвинулся и мрачно спросилъ у меня:

— Этто-что?

Его сѣрые, злые глаза остановились на моей куклѣ. Я совершенно была заворожена его взглядомъ и только, отъ страха, икнула.

— Я тебя спрашиваю? Что, уши у тебя золотомъ завѣшены, что-ли?

Я еще разъ икнула.

— Смотри, гдѣ у нея носъ?..

Я невольно повернула голову къ куклѣ и замѣтила, что носа не было.

— Это почему? Кто отбилъ?

Въ моей головѣ закопошились мысли, и я вспомнила, что наканунѣ мы играли въ куклы въ отсутствіи вотчима и я второпяхъ, желая ее спрятать, уронила и отбила носъ, въ то время не замѣтивъ этого изъяна...

— Что молчишь? Аршинъ проглотила?

Мнѣ хотѣлось еще разъ икнуть, но я не смѣла, и мнѣ неимовѣрнаго усилія стоило воздержаться.

— А это что? обратился онъ къ сестрѣ; та была младше меня и съ испугу съ ней случилось несчастье, какое часто бываетъ у дѣтей, особенно у совсѣмъ маленькихъ. Личико ея перекосилось и глаза опустились и смотрѣли на полъ.

— Убери ее! крикнулъ вотчимъ. Мать бросилась и унесла сестру.

Прислуга пришла и уничтожала слѣды преступленія.

Я тоже хотѣла уйти. Вотчимъ взялъ меня за руку и крѣпко ее стиснулъ. Я присѣла.

— Стоитъ вамъ дарить игрушки. Убрать!

Мать унесла куклы.

— А чтобъ ты помнила, вотъ тебѣ.

Я взвизгнула. Меня дернули за волосы; прядь волосъ очутилась въ рукахъ „папочки“, а на мѣстѣ волосъ свѣтилась плѣшь.

— Саша! — позвалъ онъ мать. Та вошла. — Подай ей куклу, пусть играетъ; больше охоты отбивать носъ у куклы не будетъ.

Мать принесла куклу.

Отъ боли у меня мелькало въ глазахъ, и мнѣ секундами казалось, что у куклы то выросталъ носъ, то снова пропадалъ.

— Что стоишь! садись и играй, когда тебѣ приказываютъ.

Я сѣла посреди залы и стала играть..

— Ну вотъ, въ волосахъ испачкался...—успокоившись, произнесъ „папаша“ и сталъ обчищаться.

Тутъ только мать замѣтила, въ чемъ дѣло. Поблѣднѣла и крикнувши внѣ себя „извергъ“, схватила меня и выбѣ-

жала вонъ изъ залы. Она вбѣжала въ дѣтскую, почти бросила меня на мою кроватку, рванулась къ двери и заперла ее на ключъ. Затѣмъ упала на колѣни и, прижавши ко мнѣ свой ротъ, чтобы заглушить звуки, рыдала и конвульсивно вздрагивала... Я молчала и сестра тоже...

Черезъ нѣсколько времени раздался ласковый голосъ „папаши".

Мать молчала.

— Саша, отопри, раздался голосъ.

— Отопри, я тебѣ говорю.

Мать продолжала молчать.

— Да что вы тамъ, умерли что-ли?!

— Уйди, дѣти заснули, рѣшилась возразить мать.

— И чего дура испугалась. Вѣдь я пошутилъ,—успокоилъ вотчимъ и пошелъ прочь.

Мать раздѣла насъ, уложила и сѣла у кроватокъ. Долго намъ не спалось, но наконецъ вѣки наши сомкнулись. Сонъ мой былъ чутокъ. Я часто просыпалась. Въ дѣтской горѣла лампада и синимъ свѣтомъ, мигая и треща, освѣщала комнату. Мама все сидѣла и, опустивъ голову на руки, казалась статуей скорби...

Мнѣ безумно стало жаль ее, и я позвала:

— Мамочка!..

Медленно мать подняла голову и уставилась на меня. Она не давала себѣ отчета, кто ее позвалъ...

— Мамочка, повторила я...

Мать встала, подошла и стала гладить меня по головѣ. Прикосновеніе теплой, близкой, родной руки успокаивающе подѣйствовало на меня, и я, схвативъ руками руку матери, прижала ее къ своей щекѣ и заснула. Когда подъ утро проснулась и открыла глаза, я продолжала прижимать руку матери... и она продолжала стоять у кровати. Мнѣ показалось, что цвѣтъ ея лица покрылся какою-то дымкой и сталъ землистаго цвѣта...

— Мамочка, ложись спать, обратилась я къ ней, но мать беззвучно прошептала:

— Не могу,—отняла руку отъ моей щеки и отошла къ окну. Лампадка погасла, сестра еще спала, а въ моей головѣ уже въ 8 лѣтъ стали копошиться тяжелыя мысли: дѣтскія, но грустныя, очень грустныя...

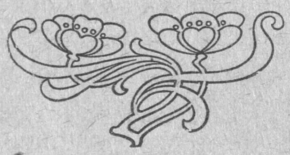
. . . . . .

Утро... Ручка двери зашевелилась, и раздался жалостливый, укоризненный голосъ „папаши“:

— Это наконецъ и глупо и безсовѣстно. Я всталъ, и мнѣ до сихъ поръ не даютъ ни кофею, ни чаю.

Мать встрепенулась, оправилась и почти выбѣжала изъ дѣтской... Вошла нянька и стала насъ мыть и одѣвать...

Начался снова радостный, счастливый день дѣтства...

Сообщилъ **П. Скуратовъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).